
Лара Вейн
Призрак Михайловского замка

Лара Вейн

Призрак Михайловского замка

«Автор»
2026

Вейн Л.

Призрак Михайловского замка / Л. Вейн — «Автор», 2026

Двести семьдесят три года в Михайловском замке живёт кот Капрал. Он родился в один день с Павлом Первым, был с ним в ночь убийства и с тех пор служит «призраком»: пугает хамов и жуликов, а хорошим людям тихо помогает. Его никто никогда не слышал, пока молодой экскурсовод Ася, которую вот-вот уволят, не села рядом и не спросила: «Можно?»

© Вейн Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Сорок семь букв 5
Глава 1. Тринадцать человек и одна свеча 7
Глава 2. Воронка 11
Глава 3. Разговор с портретом 16
Глава 4. Мадам Ангелина 19
Глава 5. Охотники за тенями 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Призрак Михайловского замка

Пролог. Сорок семь букв

Над воротами моего замка написано сорок семь букв.

Я их не читаю. Я кот. Но я их считал. Много раз, разными способами: по солнцу, когда тень от каждой буквы ложится на карниз отдельно; по снегу, когда на каждую садится свой маленький сугроб; по голубям, которые садятся не на каждую, и это сбивает. По голубям у меня каждый раз выходит сорок шесть.

Но их сорок семь. Это все знают. Об этом рассказывают на каждой экскурсии.

Говорят, когда замок только строили, по городу ходила юродивая. Блаженная. И будто бы она сказала: государь проживёт столько лет, сколько букв в надписи над воротами. Будто бы над ней посмеялись. Будто бы государю донесли, и он тоже посмеялся.

А потом ему исполнилось сорок шесть, и он шёл на сорок седьмой.

И не дошёл.

Я не знаю, была ли юродивая. Я её не видел. Я в те годы с острова почти не выходил, а она, если была, ходила по городу. Люди в Петербурге вообще любят, чтобы у всякой беды было предсказание. Так беду легче нести: раз предсказали, значит, никто не виноват.

А я знаю, кто виноват. Я был там.

Но об этом потом.

* * *

Меня зовут Капрал.

Это не моё первое имя, но последнее и самое прочное. Его дали мне гатчинские солдаты в тысяча семьсот девяносто седьмом году, когда я ходил вдоль их строя и проверял, ровно ли они стоят. Они стояли ровно. Им за неровно попадало. Один, рыжий, курносый, сказал: «Гляди, капрал пошёл». И все засмеялись, хотя смеяться в строю было нельзя.

С тех пор я Капрал.

Мне двести семьдесят три года. Я серый, с белой манишкой на груди и белыми лапами, как будто в гетрах. Мундир, говорил рыжий солдат. Павловский мундир. Только без пуговиц.

Я живу в Михайловском замке. На том самом месте, где родился. Не в замке родился — замка тогда не было. Здесь стоял деревянный дворец императрицы Елизаветы Петровны, Летний. Я родился у него на кухне, в корзине из-под капусты, осенью тысяча семьсот пятьдесят четвёртого года.

В ту же осень, в том же дворце, только на другом этаже и в другой постели, родился великий князь Павел Петрович.

Мы с ним ровесники.

Ну, почти. Он старше меня на несколько часов. Он родился около полудня, а я, по словам Агафьи, к вечеру, когда наверху ещё палили пушки. Я считал.

Я никогда ни с кем из людей не разговаривал.

То есть разговаривал. Я с ними двести семьдесят три года разговариваю. Но они меня не слышат. Ни один. Ни разу. Ни кухарки, ни солдаты, ни государь, ни кадеты, ни учёные, ни смотрительницы, ни реставраторы, ни охранники. Я говорю — а они слышат «мрм». Или вообще ничего.

Я давно привык. Сначала обижался. Потом злился. Потом перестал.

Я понял, что есть другой язык. Его люди слышат хорошо. Это скрип двери. Шаги в пустом коридоре. Сквозняк, которого не может быть. Свеча, которая гаснет сама. Тень на стене, когда в зале никого нет.

Этот язык люди слышат прекрасно. Только называют его по-другому.

Они называют его: призрак.

* * *

Двести двадцать шесть лет люди в этом замке видят призрака.

Кадеты видели. Офицеры видели. Учёные, которые сидели тут при советской власти и считали что-то на счётах, видели. Сторожа видели. Туристы видят до сих пор и пишут в интернете: «Слышала шаги в зале, а там никого. Это он. Павел. Бродит».

Это я.

Не всегда. Иногда это ветер, иногда старые трубы, иногда кто-то из людей выпил лишнего. Но в девяти случаях из десяти — я.

Я не нарочно стал призраком. Так вышло. Сначала я просто ходил по своему дому ночью, как ходят все коты. А люди пугались. А потом я понял, что пугать можно не всех подряд, а по выбору. Кто заслужил. И это стало моей работой.

Хамов я пугаю. Воров пугаю. Начальников, которые кричат на тех, кто не может ответить, — пугаю особенно. Тех, кто приходит в мой замок посмеяться над государем, которого не знал, — пугаю с удовольствием.

А хорошим помогаю. Тихо. Чтобы не заметили.

Это у меня такой устав. Капральский.

Эта история про один год. Про последний год перед тем, как меня наконец услышали.

Про девушку, которая водила по моему замку ночные экскурсии, рассказывала страшилки, путала даты и называла государя безумцем. Которую я сначала терпеть не мог.

Про сорок ночей.

Про звёздное небо.

И про то, как я двести семьдесят три года ждал одного человека, а он, оказывается, всё это время жил в Вологде и не знал, что его ждут.

Мрм.

Начну с капусты.

Глава 1. Тринадцать человек и одна свеча

В первую пятницу сентября две тысячи двадцать седьмого года на ночную экскурсию «Тайны и призраки Михайловского замка» пришли тринадцать человек.

Я их посчитал с карниза над главной лестницей. Тринадцать. Плохое число для призраков: на нём хорошо пугаются.

Две подруги лет тридцати, в одинаковых бежевых плащах. Молодая пара, которая держалась за руки и всё время фотографировалась. Семья с мальчиком лет двенадцати; мальчик был недоволен с самого начала. Трое студентов. Старик с палочкой, в аккуратной кепке. И трое мужчин, которые пришли вместе и пахли пивом.

И она.

Экскурсовод.

Я её раньше видел, но мельком. Новенькая. С весны. Маленькая, худая, с тёмной чёлкой, в длинном чёрном пальто, которое ей было велико. В руке — фонарь. Не настоящий: пластмассовый, на батарейках, сделанный под старинный, с ручкой и стёклышками. Внутри мигала электрическая «свеча».

— Добрый вечер, — сказала она. Голос у неё был хороший, низкий для такой маленькой. — Меня зовут Ася. Сегодня я проведу вас по самому таинственному замку Петербурга. Замку, где жил всего сорок дней и был убит император Павел Первый. Замку, где его призрак бродит до сих пор.

Мужчины, пахнущие пивом, переглянулись и хмыкнули.

— Прошу, — сказала Ася. — Держитесь ближе. И не отставайте. Здесь легко потеряться.

Это правда. Здесь легко потеряться. Замок строили так, чтобы ни один зал не был похож на другой. Круглые, овальные, восьмиугольные, длинные, узкие. Лестницы прячутся в стенах. Двери открываются в неожиданное. Я двести тридцать лет тут живу, и то иногда сворачиваю не туда, когда задумаюсь.

Они пошли. Я пошёл следом. Поверху, по карнизам, как хожу всегда.

* * *

Первые полчаса я слушал её и злился.

Она рассказывала неправду.

Не всё. Даты она знала. Архитекторов знала: Баженов, Бренна. Знала, что замок заложили в феврале девяносто седьмого и освятили в ноябре восьмисотого. Но между датами она вставляла такое, от чего у меня шерсть на загривке поднималась.

— Павел был безумен, — говорила она, понижая голос. — Он боялся всех. Он ходил по замку ночью со свечой и проверял караулы. Он мог за неровно пришитую пуговицу сослать офицера в Сибирь прямо с парада. Говорят, однажды он сослал целый полк. Полк вышел маршем прямо с площади и пошёл в Сибирь. Пешком.

Студенты засмеялись. Семья ахнула. Подруги в бежевых плащах переглянулись.

А я сидел на карнизе и думал: про полк так рассказывают давно, и всегда добавляют, что его вернули с дороги. Это добавление она пропустила. И сосланных возвращали. И не за пуговицу, а за другое. И вообще всё было сложнее, а ты, девочка, рассказываешь, как будто про людоеда в сказке.

Я его знал. Не так, как знают люди, — с портретов, из книжек. По-другому. Я помню, как он пах. Пудрой, кожей, свечным воском и холодом. Как он ходил: быстро, носками врозь. Как он смеялся, редко, коротко, вдруг. Я помню его маленьким, когда его, двухлетнего, проносили через кухню на руках, закутанного так, что видно было только нос.

Я не говорю, что он был хорошим. Он был разным. Как все.

Но не людоедом.

Мрм.

Ася подвела их к лестнице. Подняла фонарь.

— А сейчас, — сказала она шёпотом, — мы поднимемся туда, где всё случилось. К покоям императора. Только тихо. Говорят, если идти тихо, можно услышать его шаги.

Все замолчали. Даже мужчины.

Пошли наверх.

Я пошёл тоже. И подумал: шаги, значит. Ну, будут тебе шаги.

* * *

Покои Павла с весны закрыты. Там реставрация. Опочивальню затянули плёнкой, поставили леса, на двери повесили табличку: «Проход запрещён. Ведутся работы». Экскурсии теперь останавливаются у двери. Ася подвела группу к табличке. Встала спиной к двери. Подняла фонарь к лицу снизу, чтобы тени легли страшно.

— За этой дверью, — сказала она, — в ночь с одиннадцатого на двенадцатое марта тысяча восемьсот первого года...

И тут один из мужчин, пахнущих пивом, — самый широкий, в кожаной куртке, — громко сказал:

— Ой, да ладно. Сейчас скажете, призрак выйдет. Девушка, вы сами-то верите?

Его приятели заржали.

Ася запнулась. Я видел, как у неё дрогнула рука с фонарём. Она была молодая, неопытная, и её сбили.

— Я... — сказала она. — Это легенда. Многие свидетели...

— Свидетели, — сказал широкий. — Свидетели у вас за деньги ходят. Знаем мы эти ваши шоу. Пять тысяч за билет, а показывают дверь с табличкой. Я бы сам за пять тысяч вам призрака сыграл.

Приятели заржали опять. Семья поморщилась. Старик с палочкой посмотрел на широкого долгим взглядом. Подруги в плащах отвернулись.

Ася покраснела. Это было видно даже при её пластмассовом фонаре.

— Пойдёмте дальше, — сказала она тихо.

Ага, подумал я. Дальше.

Широкий стоял ближе всех к двери. Спиной к ней. К табличке «Проход запрещён».

А за дверью у меня есть ход. Через щель под плёнкой, вдоль лесов, по подоконнику. Я там каждую ночь хожу: проверяю, что реставраторы ничего не забыли, что окна закрыты, что звёзды на своде, которые они начали расчищать, на месте.

Я спрыгнул с карниза. Беззвучно. Пролез под плёнку. Прошёл вдоль лесов. Встал за дверью. Прямо за широкой спиной в кожаной куртке, только по другую сторону дерева.

И провёл когтями по двери.

Изнутри. Сверху вниз. Медленно.

Старая дубовая дверь отозвалась так, как отзываются только старые дубовые двери. Длинно. Скрипуче. С дрожью.

Скр-р-р-р-р-р.

Широкий подпрыгнул.

Не на месте, а вбок. Как подпрыгивают люди, когда у них сзади вдруг кто-то есть. Врезался в приятеля. Приятель уронил телефон. Телефон загремел по паркету.

— Это что?! — сказал широкий. Голос у него стал выше на октаву. — Это кто там?!

Все замерли.

Я подождал. Сосчитал до пяти. И постучал. Один раз. Лапой. В середину двери. Тук.

Тишина.

Потом подруги в бежевых плащах завизжали. Обе сразу. Мальчик двенадцати лет, который был недоволен с самого начала, вдруг перестал быть недовольным и вцепился в мамин

рукав с совершенно счастливым лицом. Студенты достали телефоны и стали снимать дверь. Старик с палочкой не шелохнулся. Только чуть-чуть, совсем чуть-чуть, улыбнулся краем рта.

А широкий отошёл от двери. Далеко. К противоположной стене. И стоял там до конца экскурсии. И больше ничего не говорил.

Ася стояла с фонарём и смотрела на дверь.

Лицо у неё было белое.

Она не знала, что это. Она, как все экскурсоводы с ночными экскурсиями, рассказывала про призраков — и ни капельки в них не верила. А тут — скрип. И стук.

— Там... там рабочие, наверное, — сказала она неуверенно. — Реставраторы. Иногда задерживаются.

Реставраторы ушли в шесть. Я видел. Марьяна последней, она всегда последняя.

Ася это тоже знала. Она подёргала ручку. Заперто. Ключа у неё не было.

— Пойдёмте, — сказала она. — Пойдёмте дальше.

И повела их вниз. Быстро. Не оглядываясь.

Я вылез из-под плёнки и пошёл на кухню. То есть туда, где когда-то была кухня Летнего дворца. Сейчас там ничего нет: двор, газон, дорожка. Замок стоит не совсем на месте старого дворца, а чуть сдвинут. Кухня приходится на южную сторону, туда, где теперь ров и мостик через него. Я там сажусь на гранитный парапет и смотрю на воду.

Я всегда туда хожу, когда надо подумать.

Я родился здесь. В корзине из-под капусты.

Это было в сентябре. Кухарка Агафья, толстая, сердитая, рябая, полезла за капустой для щей и нашла в корзине кошку Маланью с пятью котятами. Маланья была кухонная, серая, тощая, ловила мышей и воровала сливки. Её терпели. Агафья хотела выкинуть котят в Мью. Тогда речка так называлась, Мья, это теперь Мойка.

Но не выкинула.

Потому что в тот же день наверху начался переполох. Бегали люди. Хлопали двери. Звонили колокола по всему городу. Палили пушки: с крепости, с Адмиралтейства. Сто один выстрел. Это я потом узнал, что сто один, а тогда, слепой, в корзине, я только слышал, как дрожит земля и подпрыгивает капуста.

У великой княгини Екатерины Алексеевны родился сын. Наследник. Павел Петрович.

И Агафья, которая собиралась нести котят к реке, вытерла руки о фартук, перекрестилась и сказала:

— В такой день топить грех. Пусть живут. Праздник.

И мы жили.

Из пяти выжили трое. Двое ушли на конюшню. А я остался на кухне. При Маланье. При Агафье. При сливках, которые я научился воровать на два месяца раньше, чем научился ловить мышей.

Летний дворец был деревянный. Его поставил Растрелли за несколько лет до моего рождения. Лёгкий, длинный, весь в окнах, в резьбе, в золочёных завитках по карнизам. На берегу Фонтанки, у Летнего сада. С одной стороны — вода, с другой — сад, с третьей — луг, где паслись коровы, потому что Петербург тогда был наполовину деревня.

Императрица Елизавета Петровна жила в нём летом. Отсюда и название.

Я её помню.

Плохо, конечно. Я был кухонный кот, а она была императрица. Наши пути пересекались редко. Но несколько раз пересекались. Один раз она прошла через кухню. Сама. В утреннем платье, без парика, с распущенными волосами, рыжеватыми, и с лицом, которое было ещё красивым, хотя уже немолодым. Агафья от ужаса уронила половник. Императрица засмеялась, подняла половник сама, понюхала, что в котле, и сказала что-то Агафье. Я не расслышал что. Я сидел под лавкой. Агафья потом весь день была красная и счастливая.

А однажды я видел бал.

Я сидел на дереве в саду. На липе. Окна были открыты. Внутри горели тысячи свечей, и все танцевали. Дамы в мужских костюмах, кавалеры в женских платьях: императрица такие балы любила, их называли «метаморфозы». И императрица тоже была в мужском. В кафтане, в треуголке, в ботфортах. И танцевала лучше всех.

Я тогда был молодой, глупый, и подумал: вот оно как у людей. Можно надеть чужое, и станешь другим. Я долго ещё ждал, что кто-нибудь наденет на меня что-нибудь, и я стану, например, собакой. Никто не надел.

Я сидел на парапете над рвом, смотрел на чёрную воду, в которой дрожали фонари, и думал про Асю.

Она мне не понравилась.

Не потому, что маленькая. И не потому, что пальто велико. И не из-за пластмассового фонаря, хотя он, конечно, позор.

Потому что она рассказывала про безумного тирана. Про сосланный полк. Про пуговицы. Про то, как он бродит. Она рассказывала так, как рассказывают все, кто не знает и не хочет знать. Ей не было интересно, какой он был. Ей было интересно, чтобы было страшно.

И это меня злило.

Потому что я его знал. Не хорошим. Не плохим. Живым.

А для неё он был страшилкой. Пугалом для туристов за пять тысяч.

Ладно, подумал я. Посмотрим.

Посмотрим, как ты дальше.

Через час, когда группа ушла, а я сидел на подоконнике в вестибюле, она вышла из служебной комнаты. Уже без фонаря. Пальто расстёгнуто, на плече сумка, в руках телефон.

Охранник Тимофей Палыч, старый, усатый, добрый, сидел за своим столом у входа и разгадывал кроссворд.

— Ну как, Ася? — спросил он. — Сколько сегодня?

— Тринадцать, — сказала она.

— Ну, тринадцать. Неплохо.

— Плохо, — сказала она. — Шумилов сказал: меньше двадцати — убыток.

Тимофей Палыч поднял брови.

— Шумилов, — сказал он с выражением. И ничего больше не добавил.

Ася постояла.

— Тимофей Палыч, — сказала она. — А в покоях Павла сегодня кто-нибудь был? После шести?

— Нет, — сказал он. — Марьяна ушла последняя, в шесть ноль пять. Я ключ принял. Вон он, на доске висит. А что?

Ася посмотрела на ключ. Потом на лестницу.

— Ничего, — сказала она. — Показалось.

И вышла. В темноту, на мост, к Садовой.

Тимофей Палыч посмотрел ей вслед. Потом посмотрел на подоконник. На меня.

— Капрал, — сказал он. Он меня тоже так зовёт. Все охранники так зовут уже лет сто, передают друг другу, как ключи. — Твоя работа?

Я посмотрел на него.

Тимофей Палыч хмыкнул. Достал из-под стола пакет кефира. Налил в блюдце. Поставил на пол.

— Ты девочку-то не пугай, — сказал он. — Она одна тут. Из Вологды. Хорошая.

Я спустился и стал пить кефир.

Хорошая, подумал я. Посмотрим.

Глава 2. Воронка

Виталий Сергеевич Шумилов появился в замке в августе.

Его прислали откуда-то сверху. Из большого здания, где решают про все музеи сразу. Должность у него была длинная: заместитель директора по развитию и цифровым продуктам. Тимофей Палыч, когда первый раз прочитал, сказал: «Мать честная». И больше ничего не сказал, потому что дальше слов у него не нашлось.

Шумилов был молодой. Лет тридцать пять. Высокий, гладкий, с аккуратной бородкой, которую он, по-моему, подстригал по линейке. В узких брюках, которые кончались выше щиколоток, и в ботинках без носков. Это меня поразило больше всего. Двести семьдесят три года я смотрю на людей, видел пудреные парики, видел ботфорты до бедра, видел кринолины, в которые можно было спрятать пушку. Но взрослого мужчину в сентябре с голыми щиколотками я видел впервые.

— Он что, бедный? — спросил я однажды у Тимофея Палыча. Мысленно, конечно. Тимофей Палыч меня не слышит.

Тимофей Палыч в этот момент смотрел на щиколотки Шумилова и думал, кажется, о том же.

* * *

Во вторник после первой пятничной экскурсии Шумилов собрал совещание.

В Белом зале. Это бывший зал для приёмов, большой, светлый, с колоннами. Теперь там ставят выставки, а в промежутках — стулья для совещаний. Шумилов поставил посередине экран на треноге. Включил ноутбук. На экране появилась картинка: перевёрнутый треугольник, разрезанный на полоски разного цвета.

— Коллеги, — сказал он. — Это воронка.

Коллеги — человек двадцать, научные сотрудники, хранители, экскурсоводы, двое из бухгалтерии, — смотрели на воронку.

Я тоже смотрел. С подоконника, из-за шторы. Совещания я посещаю все. Это у меня давно, с инженерного училища. Там на совещаниях решали, кого отчислить, кого наказать, где поставить новую печь. Если вовремя узнать, где поставят новую печь, можно занять место рядом заранее.

— Сверху, — сказал Шумилов и показал на широкую полоску, — охват. Сколько людей про нас узнали. Ниже — интерес. Ниже — решение купить. Ещё ниже — покупка. И в самом низу — лояльность. Это когда человек приходит снова и приводит друзей.

Он пощёлкал. Появились цифры.

— А вот наши ночные экскурсии, — сказал он. — Смотрите. Охват — хороший. Интерес — хороший. А покупка — провал. Средняя группа — четырнадцать человек. Окупается с двадцати. Значит, каждая ночная экскурсия — минус.

Все посмотрели на Асю.

Ася сидела в третьем ряду, с краю. В свитере с растянутыми рукавами. Сжала в руках блокнот.

— Ася Андреевна, — сказал Шумилов, — у вас есть объяснение?

— Сентябрь, — сказала Ася. — Сезон кончается. Туристов меньше. И покои Павла закрыты на реставрацию, а это главная точка маршрута. Люди хотят в опочивальню, а мы стоим у двери с табличкой.

— Это не объяснение, — сказал Шумилов. — Это отговорки. Продукт должен работать в любых условиях. Если главная точка закрыта, нужно придумать новую. Продукт должен удивлять. Продукт должен вызывать эмоцию. Где эмоция, Ася Андреевна?

Ася молчала.

— Я вам скажу, где, — сказал Шумилов. — Её нет. Я был на вашей экскурсии в августе. Инкогнито. Вы рассказываете хорошо. Но это рассказ. Людям сейчас не нужны рассказы, людям нужен опыт. Погружение. Чтобы мороз по коже. Чтобы потом выложить в соцсети. Вы понимаете?

— Понимаю, — сказала Ася тихо.

— Вот и прекрасно, — сказал Шумилов. — Тогда так. Даю вам время до двенадцатого марта. До годовщины. Это хороший информационный повод. Если к двенадцатому марта ночные экскурсии не будут собирать полные группы, то есть двадцать пять человек минимум, стабильно, — мы их закрываем. А ставку экскурсовода сокращаем.

В зале стало тихо.

— Виталий Сергеевич, — сказала пожилая хранительница из первого ряда. Её зовут Нелли Борисовна, она в замке сорок лет. — Это, позвольте, немножко жестоко. Девочка полгода работает.

— Это не жестоко, — сказал Шумилов. — Это эффективность. Я никого не увольняю. Я ставлю задачу. Задача решаемая. Ася Андреевна молодая, у неё всё получится. Правда, Ася Андреевна?

Ася кивнула. Не поднимая глаз.

Шумилов улыбнулся. Улыбка у него была ровная, как бородка.

— Отлично, — сказал он. — Следующий слайд.

Следующий слайд я ему испортил.

Не нарочно. Ну, почти не нарочно.

Ноутбук стоял на столике у экрана. Открытый. Шумилов отошёл от него к экрану, чтобы показывать пальцем на полоски. А столик стоял у окна. А на окне сидел я.

Я спустился с подоконника на столик. Беззвучно. Шумилов стоял ко мне спиной. Коллеги смотрели на экран. Нелли Борисовна, правда, увидела меня, но ничего не сказала, только подняла брови.

Я лёг на клавиатуру.

Ноутбук тёплый. Это очень удобно. Кошки любят ноутбуки не за то, что там внутри. А за то, что они тёплые и на них лежит человеческое внимание. Если человек смотрит на ноутбук, а не на тебя, — значит, надо лечь на ноутбук.

Я лёг. Всем телом. Перевернулся на бок. Потянулся. Задними лапами нажал что-то. Передними — что-то другое.

На экране за спиной у Шумилова слайд с воронкой поехал вверх. Потом вниз. Потом исчез. Потом появился другой слайд — какой-то ранний, не готовый, с надписью крупными буквами: «КАК УБЕДИТЬ СТАРИЧЬЁ, ЧТО ЭТО ИХ ИДЕЯ».

Шумилов стоял спиной к экрану и говорил про лояльность.

Коллеги смотрели на экран.

Нелли Борисовна, которой было шестьдесят восемь лет и которая сорок лет хранила в замке мебель павловского времени, прочитала надпись. Медленно. Поправила очки. Прочитала ещё раз.

Кто-то в задних рядах хрюкнул.

Шумилов обернулся.

Посмотрел на экран. Посмотрел на ноутбук. На ноутбуке лежал я. Брюхом вверх. Задние лапы на тачпаде.

Слайд, пока он оборачивался, сменился опять. Теперь на нём была фотография Шумилова в солнечных очках на фоне моря, с подписью: «Я после внедрения показателей эффективности».

— Это... — сказал Шумилов. — Это не тот файл. Это технический сбой. Это...

Он бросился к ноутбуку. Я не стал ждать, пока он до меня добросится. Спрыгнул, прошёл между ножками стульев и вернулся на подоконник. За штору.

Шумилов захлопнул ноутбук.

— Перерыв, — сказал он. — Десять минут.

Коллеги расходились молча. Очень молча. Так молчат люди, которые изо всех сил стараются не засмеяться, пока не выйдут за дверь.

За дверью они засмеялись.

А Нелли Борисовна, проходя мимо подоконника, остановилась. Отодвинула штору. Посмотрела на меня.

— Капрал, — сказала она тихо. — Ты бы поосторожнее. Он мстительный.

И пошла пить чай.

Мрм.

Я знаю мстительных. Я видел настоящих. Этот — не настоящий. Этот просто не привык, что над ним смеются.

Ася после совещания ушла в служебную комнату на первом этаже. Маленькую, без окон, с шкафом для одежды, электрическим чайником и календарём на стене. Календарь прошлогодний. Никто его не снимает, потому что на нём красивые фотографии замка.

Я пошёл за ней. Ну, не за ней. Мимо. Я там часто прохожу.

Дверь была приоткрыта. Ася сидела на стуле и смотрела в стену. На календарь. Не плакала. Просто смотрела.

Потом достала телефон. Набрала номер.

— Мам, — сказала она. — Привет. Да, всё нормально. Нет, не разбудила? Хорошо.

Она слушала. Долго.

— Нет, мам. Нет. Я не вернусь. Я же говорила. Я тут работаю. — Пауза. — Знаю, что в школе место. Знаю, что Зинаида Петровна уходит. Мам, я не хочу вести историю у пятых классов. Я хочу здесь.

Пауза.

— Как Маркиза? — Голос у неё сразу изменился. Потеплел. — Ест? А что ест? Мам, ей нельзя рыбу, я же говорила, у неё живот... Ну ладно. Ладно. Поцелуй её от меня. Нет, я заберу. Как только комнату нормальную найду, заберу. В коммуналку нельзя, соседка против, у неё аллергия.

Пауза.

— Да, мам. Хорошо. Целую.

Она положила телефон на стол. Экраном вниз.

Посидела.

Потом сказала в стену. Тихо. Не мне. Себе. Или замку.

— Двадцать пять человек. Стабильно. До двенадцатого марта.

И засмеялась. Невесело.

Я стоял в коридоре за дверью и думал: Маркиза.

Что за Маркиза такая.

* * *

Я помню, как Павла принесли в мир.

То есть не принесли. Его унесли. Сразу. В тот же день.

Его мать, великую княгиню, после родов оставили одну. На мокрой постели, у сквозняка, никто не подходил несколько часов. Это потом, через годы, она сама об этом напишет, и об этом будут читать. А я тогда знал только то, что Агафья в кухне ругалась с другими кухарками: «Бросили роженицу, как собаку. Сама императрица дитё забрала, к себе, а мать — хоть помирай».

Императрица Елизавета Петровна забрала младенца в свои покои. Она очень хотела наследника. Она его ждала девять лет. И когда дождалась — забрала. Насовсем. Матери показывали его раз в неделю. Иногда и реже.

Его держали в жаре.

Это все знали. Даже я. Потому что у кухни была общая печь с одной из детских, и Агафья ругалась, что дров уходит, как на баню. В детской топили так, что воздух дрожал. Младенца кутали во фланель, потом в ватное одеяльце, потом в бархатное, подбитое мехом черно-бурой лисы. Колыбель тоже была обита мехом. И стояла у печки.

Он потел. Все время был красный и мокрый. И потом всю жизнь простужался от любого сквозняка.

Я тогда, конечно, ничего не понимал. Мне было три месяца. Но я помню, что однажды забрался в детскую. Случайно. За мышью. Мышь побежала по коридору, я за ней, мышь в щель под дверью, я за ней.

И оказался в жаркой комнате с бархатной колыбелью.

Нянек не было. Кто-то вышел на минутку. Или заснул в соседней комнате. В колыбели лежал красный, мокрый младенец, обложенный мехом, и плакал. Тихо. Как плачут дети, которые уже поняли, что на громкий плач всё равно никто не придёт.

Я забыл про мышь.

Я забрался на скамеечку у колыбели. Посмотрел. Он посмотрел на меня. Мутными младенческими глазами, которые ещё ничего не видят.

Он перестал плакать.

Не знаю почему. Может, просто устал. Может, увидел что-то серое и движущееся и заинтересовался. Младенцы так делают.

Я посидел. Он посмотрел. Потом я сделал то, что делала со мной мама. Маланья. Когда я плакал в капустной корзине.

Я замурлыкал.

Он заснул.

Потом в коридоре раздались шаги. Нянька. Я спрыгнул и убежал под дверь, за мышью, которая к тому времени уже давно ушла по своим делам.

Больше я в детскую не попадал. Её закрыли плотнее: кто-то сказал, что из-под двери дует.

Но я помню, как он заснул. Под моё мурлыканье. Красный, мокрый, в черно-буром меху.

Ему было три месяца. Мне два с половиной.

Мы тогда оба ещё ничего не знали.

Вечером Шумилов уходил последним. Он шёл через вестибюль с ноутбуком под мышкой, сердитый, и говорил кому-то по телефону: «Нет, это кот. Какой-то кот. Здесь живёт кот, и никто не может мне объяснить, на каком основании. Я выясню».

Тимофей Палыч поднял голову от кроссворда.

— На основании, — сказал он вслед Шумилову, — что он тут дольше вас, Виталий Сергеевич.

Шумилов не услышал. Или сделал вид.

Дверь за ним закрылась.

Тимофей Палыч посмотрел на меня. Я сидел на подоконнике.

— Слыхал? — сказал он. — Выяснять будет.

Я зевнул.

Двести семьдесят три года меня выясняют. Указами, рапортами, приказами по училищу, актами комиссий. Однажды даже вносили в инвентарную опись. Под номером. Как стул.

Пусть выясняет.

У меня есть время до двенадцатого марта. И у Аси тоже.

Я пока ещё не решил, помогать ей или нет.

Но Шумилову я сегодня испортил вечер, и это мне понравилось.

Глава 3. Разговор с портретом

В среду ночью я застал Асю в Тронном зале.

Ночных экскурсий по средам нет. Ночные экскурсии по пятницам и субботам. Поэтому по средам замок мой. Тимофей Палыч сидит внизу со своим кроссвордом, иногда делает обход, светит фонарём в залы, говорит в темноту: «Капрал, ты тут? Ну, служи». И уходит.

А в эту среду, в одиннадцатом часу, в Тронном зале горел свет.

Не весь. Одна лампа, в углу, на штативе. Такие ставят, когда фотографируют экспонаты. А у стены, на складном стуле, сидела Ася. С книгой на коленях. Без пальто, в свитере. Читала.

И разговаривала.

Я сел на карниз и стал слушать.

— Вот смотри, — сказала Ася. Не мне. Портрету. — Вот тут пишут, что ты в одиннадцать лет переписывался со своим учителем по-французски и подписывался... Сейчас... Что ты любил смотреть в окно на корабли. Что ты боялся грозы. Что ты плакал, когда тебе читали про несправедливость. Это правда?

Портрет молчал. Портрет — это государь. Не настоящий, конечно. Копия. Настоящие висят в Русском музее, а здесь в Тронном зале с весны поставили временную выставку, «Павел и его время». Портрет висел прямо напротив Аси. В мальтийском одеянии. С короной на голове и с таким лицом, какое бывало у него на парадах. Строгое. Чуть вздёрнутый нос. Глаза навыкате. Губы поджаты.

Не похож.

То есть похож, но не очень. Живой он был другой. Особенно глаза. На портретах у него глаза всегда тяжёлые. А в жизни они были быстрые. Как у птицы.

— Я ведь про тебя ничего не знаю, — сказала Ася портрету. — Честно. Я рассказываю людям, что ты псих. Потому что так все рассказывают. Потому что это работает. Люди любят, когда страшно. А я сама не знаю. Я в университете учила Екатерину, а тебя мы прошли за одну лекцию. Сорок минут. Указ о престолонаследии, ссылки, заговор. Всё.

Она перевернула страницу.

— А тут пишут, что тебе было одиннадцать лет, а ты уже знал наизусть, какие корабли в Кронштадте и сколько на каждом пушек. И что ты за обедом рассуждал про законы. И что с тобой было интересно спорить.

Она подняла глаза на портрет.

— Это кто писал? Порошин. Твой учитель. Он записывал за тобой каждый день. Ты знал? Наверное, нет. Наверное, обиделся бы.

Портрет молчал.

Я сидел на карнизе и думал: она читает Порошина.

Это я знаю. Порошин — это был такой молодой офицер. Худой, живой, с длинным носом. Его приставили к маленькому Павлу учить математике и вообще. И он вёл дневник. Каждый день записывал, что Павел сказал, что съел, на что рассердился, над чем засмеялся. Я знаю, потому что Порошин несколько раз писал этот дневник на подоконнике в коридоре, где я грелся на солнце. Он сидел, писал быстро-быстро гусиным пером и бормотал себе под нос.

Я однажды наступил ему на страницу. Лапой. В свежие чернила.

Он посмотрел, засмеялся и не стал стирать. Так и остался, наверное, где-то в его дневнике отпечаток моей лапы.

Ася, правда, ещё до этой страницы не дочитала. Если вообще её напечатали. Мою лапу.

* * *

— А вот это интересно, — сказала Ася. Она листала дальше. — Тебе было семь лет, когда умерла бабушка. Елизавета. И твоего отца сделали императором. А через полгода его не

стало. А мама стала императрицей. Тебе было восемь. И ты, получается, с восьми лет знал, что так бывает. Что можно лечь спать, а проснуться — и у тебя нет отца. А у мамы — трон.

Она замолчала.

Долго смотрела на портрет.

— Неудивительно, что ты потом всех боялся, — сказала она тихо.

Я на карнизе перестал умываться.

Вот, подумал я. Вот это ты правильно сказала.

* * *

Я помню, как умерла Елизавета.

Это было на Рождество. В декабре тысяча семьсот шестьдесят первого. Она уже давно болела. Она тогда жила не у нас, а в другом деревянном дворце, Зимнем, на Мойке. Каменный Зимний ещё строили. Но в Летнем дворце тоже все знали. Новости по городу шли от кухни к кухне быстрее, чем гонцы.

Агафья в тот день пришла с рынка и села на лавку. Прямо в шубе. Не раздеваясь. И долго сидела.

— Матушка померла, — сказала она. — Государыня.

И заплакала.

Агафья её любила. Не за что-то. Просто так. Императрица один раз прошла через её кухню, подняла её половник и понюхала её щи. Для кухарки это на всю жизнь.

Я подошёл и лёг ей на колени. Прямо на шубу. Шуба была мокрая от снега и пахла рынком: капустой, рыбой, дымом. Агафья гладила меня шершавой красной рукой и плакала. А я мурлыкал.

Я тогда уже знал, что так надо. Когда человек плачет, надо лечь ему на колени и мурлыкать. Это первое, что я узнал про людей. И это до сих пор работает.

А потом было полгода, когда императором был отец Павла. Пётр Фёдорович. Я его помню плохо. Он в наш дворец почти не заходил. Только один раз приехал летом с какими-то голштинскими офицерами, все в синих мундирах, громкие, весёлые, пахли табаком и пивом.Ходили по саду, курили трубки. Один споткнулся о меня в коридоре, выругался по-немецки и пнул.

Не сильно. Но пнул.

Я ему отомстил. Я тогда был молодой, но уже понимал, как это делается. Он оставил треуголку на окне в коридоре. А у меня как раз была мышь. Свежая. Утренняя.

Я положил мышь в треуголку.

Потом сидел под лавкой и слушал, как он кричит.

Это была моя первая месть. Мне было семь лет. И она была, по-моему, справедливая.

А в июле Петра Фёдоровича не стало.

Однажды утром по городу забегали люди. Гвардия пошла к Зимнему. Звонили колокола. Кричали «Виват». Агафья выбежала на улицу, потом вернулась и сказала, что теперь императрица — Екатерина Алексеевна. Великая княгиня. Мать Павла.

— А государь? — спросил кто-то из кухонных.

Агафья пожала плечами.

— Отрёкся, говорят, — сказала она. — Уехал куда-то.

А через неделю сказали, что он умер. В Ропше. От колик.

Агафья перекрестилась и больше об этом не говорила.

А Павлу было семь лет. Почти восемь. И он, наверное, тоже слышал: от колик. И, наверное, тоже ничего не спрашивал.

Ася правильно сказала. С восьми лет он знал, что так бывает.

Ася дочитала главу, закрыла книгу и посмотрела на часы. Был первый час ночи.

— Ой, — сказала она. — Мосты.

Она живёт на Петроградской стороне. В коммуналке. Я это потом узнал. А мосты в сентябре ещё разводят. Троицкий разводят около половины второго. Если опоздать — придётся ночевать на этой стороне.

Ася вскочила. Сунула книгу в сумку. Выключила лампу.

И в темноте задела штатив.

Штатив поехал. Лампа на нём качнулась. Тяжёлая, металлическая. Прямо на витрину. В витрине — фарфоровый сервиз павловского времени, с вензелями, на подставках. Тонкий, как яичная скорлупа.

Ася ахнула. Протянула руку. Не дотянулась: в темноте не видно.

А я был на карнизе прямо над штативом.

Я прыгнул.

Не на лампу. На ножку штатива. Всем весом. Четыре килограмма триста граммов. Ножка, которая уже отрывалась от пола, встала обратно. Штатив дрогнул. Лампа качнулась ещё раз, в другую сторону, от витрины. И остановилась.

Я спрыгнул на пол. И ушёл. В темноте. В угол. За колонну.

Ася стояла и не дышала.

Потом включила фонарик на телефоне. Посветила на штатив. Штатив стоял. Лампа стояла. Витрина стояла. Сервиз стоял.

Она посветила вокруг. На пол. На колонны. На портрет.

Меня не было. Я был за колонной.

— Ты? — спросила она тихо.

Я не сразу понял, что она спрашивает портрет.

Она светила фонариком на портрет. На строгое лицо в короне. И спрашивала у него.

— Это ты? — сказала она. — Удержал?

Портрет молчал.

Ася постояла. Потом засмеялась. Нервно. Сама над собой.

— Дура, — сказала она. — Сквозняк. Ножка зацепилась. Ну конечно.

Она сложила штатив. Отнесла его в угол. Аккуратно, двумя руками. Потом ещё раз посветила на портрет.

— Спасибо, — сказала она. — На всякий случай.

И убежала. На мосты.

Я вышел из-за колонны. Сел посередине Тронного зала. Посмотрел на портрет.

— Это я, — сказал я портрету. — Не ты.

Портрет молчал. Он всегда молчит. Как и все.

Но мне вдруг стало смешно. Двести семьдесят три года меня никто не слышит. А сегодня меня поблагодарили. Пусть даже по ошибке. Пусть даже портрет.

Это всё-таки было в первый раз.

Я сидел в Тронном зале до утра.

Думал.

Она читает Порошина. Ночью. Одна. После работы. Потому что поняла, что ничего не знает. И это её мучает.

Я видел много экскурсоводов. Сотни. Больше половины рассказывают одно и то же двадцать лет подряд, по одной бумажке, теми же словами, в тех же местах делают паузы. Они не читают по ночам. Им не надо. Они и так знают всё, что им нужно.

А эта читает.

И говорит с портретом. Как я говорю с людьми. Без надежды, что ответят.

Мрм.

Ладно, подумал я. Может, и не совсем безнадёжная.

Посмотрим, что она расскажет в пятницу.

Глава 4. Мадам Ангелина

В пятницу Ася рассказывала по-другому.

Не совсем. Страшилки остались. Шаги, свеча, сорок семь букв. Но в середине, в Тронном зале, у портрета, она вдруг остановилась и сказала:

— А знаете, каким он был в одиннадцать лет?

Группа — шестнадцать человек — посмотрела на неё.

— Он знал наизусть все корабли Балтийского флота, — сказала Ася. — Сколько на каждом пушек. Он спорил со взрослыми о законах. Он боялся грозы. И плакал, когда ему читали про несправедливость. Это записал его учитель. Каждый день записывал. Целый год.

Шестнадцать человек слушали.

— Мы привыкли, что он злодей, — сказала Ася. — А он был мальчик, у которого в восемь лет не стало отца. При очень странных обстоятельствах. И который всю жизнь потом ждал, что с ним сделают то же самое.

Тишина.

— И сделали, — сказал кто-то из группы. Пожилой мужчина в очках.

— И сделали, — сказала Ася.

Потом повела их дальше. К закрытой двери с табличкой. И опять стала рассказывать про шаги.

Но я заметил: эти шестнадцать человек у закрытой двери слушали иначе. Не как зрители в балагане. А как люди, которым жалко.

Я сидел на карнизе и думал: неплохо.

Шагов я им в тот вечер не устроил. Не потому, что пожалел. А потому что незачем. Им и так было что слушать.

А на выходе один мужчина спросил у Аси, будет ли продолжение. Она не поняла.

— Ну, про него, — сказал мужчина. — Ещё. Я бы пришёл.

Шестнадцать — это не двадцать пять. Но больше, чем тринадцать.

* * *

А в понедельник в замок приехало телевидение.

Не настоящее. Не то, которое по телевизору. Интернетное. Канал «Мистика без купюр». Я потом узнал, что у них два миллиона подписчиков и что Шумилов сам их позвал. Для охвата. Для верхней полоски воронки.

Их было четверо. Оператор с камерой. Звуковик с палкой. Девушка-продюсер с планшетом и три телефона в разных карманах.

И мадам Ангелина.

Мадам Ангелина была ясновидящей. Это было написано у неё на визитке, которую она вручила Тимофею Палычу прямо у входа: «Мадам Ангелина. Потомственная ясновидящая в седьмом поколении. Связь с ушедшими. Снятие порчи. Консультации онлайн». Тимофей Палыч прочитал, положил визитку на стол и сверху поставил кружку с чаем.

Мадам Ангелина была крупная, в фиолетовом. Фиолетовое платье до пола, фиолетовая шаль с бахромой, фиолетовые ногти длиной с мои когти. На шее — несколько цепочек с камнями. На пальцах — по три кольца. Волосы — огромные, чёрные, взбитые, с одной седой прядью спереди. Я сначала подумал, что седая прядь настоящая. Потом увидел, как продюсер её подкрашивает перед камерой белым карандашом.

— Здесь сильная энергетика, — сказала мадам Ангелина, входя в вестибюль. Закрыла глаза. Простёрла руки. — Очень сильная. Я чувствую... страдание. Я чувствую... кровь.

Тимофей Палыч кашлянул.

— Это ремонт, — сказал он. — Лаком пахнет. В покоях паркет лачат.

Мадам Ангелина открыла один глаз. Посмотрела на Тимофея Палыча. Закрыла глаз.

— Я чувствую, — повторила она громче, — кровь.

Оператор снимал.

* * *

Шумилов встречал их сам. В новых ботинках. Опять без носков. Сиял.

— Мы рады, — говорил он, — открыть для вашей аудитории самые сокровенные пространства замка. Ася Андреевна вас проведёт. Покажет главные точки силы.

Ася стояла рядом с ним с таким лицом, как будто ей предложили провести экскурсию для крокодилов. Её поставили перед фактом утром. Шумилов сказал: «Это ваш шанс, Ася Андреевна. Два миллиона охвата. Вы же хотели полные группы». И ушёл, не дожидаясь ответа.

— Точки силы, — сказала Ася. Без выражения. — Пожалуйста. Прошу за мной.

И повела.

Мадам Ангелина шла за ней и в каждом зале останавливалась, закрывала глаза и говорила, что чувствует. Чувствовала она много. В Тронном зале — «тоску». В Белом зале — «холод власти». В Георгиевском — «измену». У портрета Марии Фёдоровны — «женскую боль».

Ася шла впереди и молчала. Я видел, как у неё сжимаются губы. Каждый раз, когда мадам Ангелина говорила что-нибудь про «боль», губы у Аси становились тоньше.

Я шёл поверху.

У закрытой двери в опочивальню мадам Ангелина остановилась надолго. Закрыла глаза. Положила обе ладони на дверь. Прямо на табличку «Проход запрещён».

— Он здесь, — сказала она торжественно. Оператор подъехал поближе. — Он здесь. Я его слышу. Он говорит... Он говорит со мной.

— Что он говорит? — спросила продюсер. По сценарию.

Мадам Ангелина помолчала. Как будто прислушивалась.

— Он говорит, — сказала она голосом ниже, чем свой, — что его предали. Что он не может уйти. Что он ждёт. Он говорит: «Отомстите за меня». Он говорит: «Найдите мой клад». Он говорит...

Она сделала паузу.

— Он говорит, что под этим полом зарыто золото. Его личное. Он его спрятал за день до смерти. Он хочет, чтобы его нашли достойные.

Продюсер посмотрела на неё с восторгом. Оператор подъехал ещё ближе.

Ася стояла у стены и смотрела на мадам Ангелину так, как смотрят на человека, который при тебе наступил на могилу.

Шумилов стоял рядом и сиял.

А я сидел на карнизе прямо над дверью.

И думал.

Он не говорил «отомстите». Он вообще мало говорил о мести. Он говорил о порядке, о долге, о законе, о присяге. Он говорил коротко и резко. И уж точно он не стал бы разговаривать с женщиной в фиолетовом через дверь, на которой написано «Проход запрещён». Он такие таблички уважал. Он сам их везде вешал.

А золото... Золото он не прятал. Не было у него никакого золота под полом. Я знаю этот пол. Я под ним лазил двести лет. Там опилки, мыши и пыль. Золото под полами в этом замке лежит только одно, и то не золото, а записка: под паркетом Белого зала, от паркетчика тысяча восемьсот сорок третьего года. «Здесь работал Савва Лукин. Кто найдёт — помяни».

Я поминаю. Каждый раз, когда прохожу.

А она говорит — золото.

Мрм.

Мадам Ангелина решила провести сеанс.

Прямо здесь, у двери. Шумилов разрешил. Принесли стол — маленький, круглый, из служебной комнаты. Принесли свечи. Мадам Ангелина достала из сумки хрустальный шар размером с мою голову и положила его на стол. Выключили верхний свет. Остались только свечи и прожектор оператора.

— Тишина, — сказала мадам Ангелина. — Полная тишина. Я буду звать.

Все замолчали. Ася у стены. Шумилов у двери. Продюсер с планшетом. Звуковик с палкой. Тимофей Палыч, который поднялся посмотреть и стоял в дверях зала, скрестив руки.

— Император Павел Петрович, — завыла мадам Ангелина. — Если ты здесь, дай знак. Дай знак. Дай знак.

Тишина.

— Дай знак! — сказала мадам Ангелина громче.

Ну что ж, подумал я. Раз просят.

Я сидел на карнизе над столом. Свечи горели внизу. Хрустальный шар блестел. Мадам Ангелина держала над ним руки.

Я свесился вниз и аккуратно, одним когтем, подцепил её шаль. Фиолетовую. С бахромой. Бахрома висела у неё за спиной до самого пола.

Подцепил. И потянул.

Медленно.

Шаль поехала с её плеч. Назад. Вверх. В темноту. Мадам Ангелина почувствовала, что что-то тянет. Замерла.

— Он... — сказала она шёпотом. — Он прикасается ко мне...

Я тянул.

Шаль уползла с её плеч совсем. Повисла в воздухе. В темноте её не было видно, был виден только кончик бахромы, который шевелился над головой мадам Ангелины, как будто его кто-то держит.

Оператор поднял камеру.

— Он забирает... — сказала мадам Ангелина. Голос у неё стал не торжественный, а вполне обыкновенный. Испуганный. — Он забирает мою шаль...

Я отпустил.

Шаль упала. Прямо на стол. Прямо на свечи.

Бахрома вспыхнула.

Не сильно. Чуть-чуть. Синтетика. Затрещала, завоняла.

Мадам Ангелина завизжала. Вскочила. Опрокинула стул. Хрустальный шар скатился со стола и покатился по паркету, громыхая. Звуковик уронил палку. Продюсер уронила планшет.

А Тимофей Палыч, который двадцать лет прослужил в пожарной охране до того, как пойти в охранники, в два шага пересёк зал, схватил шаль за чистый конец и сунул её в ведро с водой. Ведро стояло у двери, реставраторы оставили. Пшшш.

Всё.

Огня больше не было. Был только запах. И мокрая фиолетовая тряпка в ведре.

И тишина.

А потом, в этой тишине, все услышали шаги.

Это был не я. Я сидел на карнизе и умывался. Это была Марьяна, реставратор, которая задержалась в опочивальне, доделывая звезду на своде, и, услышав визг, пошла посмотреть. За дверью. По лесам. Тук. Тук. Тук.

Шаги.

За дверью, на которой написано «Проход запрещён».

Мадам Ангелина посмотрела на дверь. Схватила свой хрустальный шар с пола. И побежала. К лестнице. В фиолетовом платье, без шали, с шаром под мышкой. Быстро. Очень быстро для своей комплекции.

За ней побежала продюсер. За ней — звуковик.

Оператор не побежал. Оператор снимал. Это у операторов профессиональное.

Дверь открылась. Изнутри. Из опочивальни выглянула Марьяна: в рабочем халате, в пятнах краски, с тонкой кисточкой в руке.

— Что случилось? — спросила она. — Кто кричал? Чем пахнет?

Тимофей Палыч посмотрел на неё. На кисточку. На ведро.

— Призрак, — сказал он. — Император. Шаль у ясновидящей отобрал.

Марьяна посмотрела на ведро. На фиолетовое в нём.

— А, — сказала она. — Ну и правильно.

И закрыла дверь.

Видео вышло через неделю. Называлось оно «Призрак Павла Первого напал на экстрасенса! Реальные кадры!». В нём была шаль, которая уползает в темноту. Был визг. Был огонь. Была бегущая мадам Ангелина с шаром. Были шаги за дверью.

Его посмотрели пять миллионов человек.

Шумилов был счастлив. Он ходил по замку и говорил всем: «Видели? Охват! Пять миллионов! Это продукт!»

Ася была не счастлива.

Я видел, как она смотрела это видео в служебной комнате. С выключенным звуком. До того места, где шаль начинает уползать. Потом остановила. Увеличила. Посмотрела на тёмный карниз над столом.

Долго смотрела.

На карнизе, в темноте, если очень увеличить, было видно что-то серое. С белым. Как будто манишка.

Ася посмотрела. Потом выключила телефон. Положила на стол.

И сказала тихо:

— Ну ты даёшь.

Не знаю, кому. Может, портрету. Может, замку.

А может, уже и мне.

Я в ту ночь вспомнил одну свадьбу.

Это было в тысяча семьсот семьдесят третьем году. Павлу было девятнадцать. Его женили на немецкой принцессе. Её звали по-нашему Натальей Алексеевной. Свадьбу играли не у нас, в Зимнем. Но потом молодые несколько раз приезжали летом в наш Летний дворец. Он тогда уже был старый, облезлый, Екатерина там не жила, только иногда отдавала его кому-нибудь под летнее житьё.

Я помню её. Великую княгиню. Худенькая, быстрая, смешливая. Однажды в саду она увидела меня на дереве и позвала. По-немецки. Я, конечно, не пошёл. Я тогда ни к кому не ходил. Но она осталась под деревом и стала ждать. И ждала долго. И я подумал: ладно. И спустился. И сел рядом. Не на руки, а рядом, на траву. И она гладила меня, а Павел стоял и смотрел. И у него было лицо, которого я больше никогда у него не видел.

Счастливое.

Через три года она умерла. Родами. Ребёнок тоже не выжил.

Он потом женился ещё раз, на другой принцессе, Марии Фёдоровне. Хорошо жил. Десять детей.

Но такого лица я у него больше не видел.

Это было в нашем саду. На траве. Под липой.

Мадам Ангелина про это ничего не знает.

Ей бы золото.

Глава 5. Охотники за тенями

П

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.